

ИГОРЬ МАЛЫШЕВ

КОРНЮШОН И РЫЛЕЙКА

Приключения маленьких человечков



Иллюстрации
Дианы Лапиной

Игорь Малышев
Корнюшон и Рылейка

«Настя и Никита»

2016

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2=411.2)64-44

Малышев И. А.

Корнюшон и Рылейка / И. А. Малышев — «Настя и Никита», 2016

ISBN 978-5-906788-33-7

Герои этой книги такие крошечные, что могут путешествовать по миру, летая на тополиной пушинке. Мальчик Корнюшон и его храбрая тётя Рылейка сразятся с жуками-дровосеками, попадут в подземный мир и в пустыню, познакомятся с жадным кротом и с человеком, живущим посреди океана. Это неожиданное путешествие подарит героям книги множество открытий, научит быть стойкими и находить выход из самых сложных ситуаций.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-906788-33-7

© Малышев И. А., 2016
© Настя и Никита, 2016

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	12
Глава третья,	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игорь Малышев Корнюшон и Рылейка

Для младшего и среднего школьного возраста

© Малышев И. А., текст, 2016

© Лапшина Д. Ю., иллюстрации, 2016

© ООО «Издательство «Настя и Никита», 2016

* * *



Глава первая, в которой родители Корнюшона решают сделать ремонт



Может быть, вы догадываетесь, а может, и нет, но среди нас живут маленькие человечки. Такие крошечные, что мы их почти не замечаем. Разве что иногда обратим внимание, как что-то прошмыгнуло на самом краешке зрения. Оглянемся, а там уж и нет никого. Пожмём плечами – «показалось!», да и забудем об этом. И в самом деле, трудно поверить, что помимо больших и сильных людей здесь, на Земле, живут ещё какие-то малыши. Шныряют под ногами крошечные существа, чуть крупнее муравьёв, но гораздо более шустрые.

Наверное, вам захочется узнать, как они живут? Очень просто: так же, как и мы. Едят, спят, чистят зубы и ботинки, прячутся от дождей, радуются солнцу. Ходят в детский сад, в школу, на работу. По вечерам пьют чай и читают газеты. Вот только телевизор они не смотрят. Потому что таких малюсеньких телевизоров ещё не придумано. Ну и ладно, ведь это не такая уж большая беда, правда?

Места им нужно совсем немного, так что живут они где угодно. Могут в дупле дерева поселиться, могут в углу за холодильником, в компьютере, за картиной в музее, в старой шапке на антресолях – им везде удобно. Лишь бы не тревожили.

Семья Корнюшона жила в почтовом ящике, который висел на двери одного домика. В домике обитала одинокая старушка. Газет она не выписывала, а писем ей не писали. Поэтому покой семьи маленьких человечков никто не тревожил.



Кроме самого Корнюшона, в почтовом ящике жили его мама и папа. Мама была красивая и очень добрая – все так говорили. И Корнюшон был с этим совершенно согласен. Ведь известно, что красивее и добрее мам никого в мире не бывает. А папа у Корнюшона был обыкновенный – просто самый лучший папа на свете, и всё.

Корнюшону нравилось жить в почтовом ящике, вот только иногда ему становилось скучно. Хотелось чего-то увлекательного и волнующего, чтобы сердце замирало от восторга, чтобы глаза расширялись от удивления, чтобы вдохнуть и забыть выдохнуть.

К тому времени, с которого мы начинаем наш рассказ, Корнюшон уже успел окончить третий класс школы для маленьких человечков. С начала летних каникул прошло десять дней, и ничегошеньки интересного за этот срок не случилось.

Мальчик успел прочесть две книжки – одну про юного детектива Альба-сыщика, а другую – про кругосветное плавание на паруснике «Бриз». Вторая книга понравилась ему больше первой. Альб, спору нет, очень ловкий и хитрый малый, но путешествия – всё же вещь куда более захватывающая.

И вот утром одиннадцатого дня лета Корнюшон сидел у окна и думал о том, что хорошего может произойти с ним до начала осени. Наверное, получится сходить в зоопарк и в кино; может быть, удастся несколько раз искупаться вместе с родителями в большой луже, которая собирается после дождя перед крыльцом старушкиного дома. А больше ничего интересного, скорее всего, и не случится. Как в прошлом, позапрошлом и позапозапрошлом году.

– А потом лето пройдёт, и всё, – подумал мальчик.

Он подпёр голову руками и стал смотреть на лёгкие белые облачка, которые медленно, словно улитки, ползли по небу.

И, похоже, Корнюшон оказался бы прав и лето действительно так бы и прошло, без приключений и неожиданностей, но в этот момент в комнату вошла мама и заявила:

– Мы тут с папой подумали и решили, что нам за это лето надо сделать ремонт.

– Какой ремонт?

– Обычный. Обои новые поклеить, окна покрасить, потолки побелить. А то квартира не пойми во что превратилась. Всё кругом старое, обшарпанное...

Корнюшон расстроился. Потратить лето на возню с обоями, побелкой и краской! «Судя по всему, теперь даже на походы в зоопарк и в кино можно не рассчитывать, – подумал он. – Если б я всё лето в школу ходил, и то веселее получилось бы».

Мальчик погрузился в свои мысли и совсем перестал следить за тем, что говорит мама. А она меж тем говорила довольно занятные вещи:

– Вот мы и подумали с папой, что нечего тебе тут пылью и краской дышать. И так вон ты бледный какой-то, заморённый. Так что не поехать ли тебе к моей двоюродной сестре Рылейке?

Корнюшон недоумённо заморгал глазами.

– Правда, она у меня немного беспокойная, – добавила мама, – и вокруг неё всегда что-то происходит. Но тебе это, наверное, будет даже полезно.

– А где она живёт?

– На станции Ополье.

– Как же я к ней попаду?

– На поезде. Ты уже большой, сможешь сам добраться, а тётя Рылейка тебя встретит.

Мальчик воспрянул духом. Это же настоящее путешествие! Не кругосветное, но всё же! И вдруг ему стало страшно. Ведь раньше он никогда не уезжал из города и никогда не расставался надолго с родителями.

В комнату вошёл папа.

– Ну как, ты едешь? – спросил он.

Корнюшон не очень уверенно кивнул:

– Наверное.

Папа взял его за плечи и посмотрел в глаза.

– Только будь осторожен, хорошо?

– Ладно.

– И пообещай, что не будешь играть «в тоннели», – сказала мама.

Игра «в тоннели» была самой интересной и самой опасной из всех, что знали маленькие человечки. Вы, возможно, замечали, что когда вы стоите в ботинках, то между каблуком, землёй и подошвой ваших ботинок образуется маленькая щель. Вот в эти-то щели и любят шнырять самые отчаянные сорванцы из маленьких человечков.

Корнюшон был очень осторожным мальчиком, и у него даже мыслей подобных никогда не возникало. Поэтому он с чистой совестью пообещал, что играть не будет.

Мама открыла большой рыжий чемодан, размером чуть ли не с самого мальчика, и стала складывать туда его вещи.

– Как же он его потащит? – папа с сомнением смерил чемодан взглядом.

– Зато здесь есть всё, что может ему понадобиться, – пожав плечами, ответила мама.

– Ты имеешь в виду – на всю жизнь?



Мама посмотрела на него укоризненно и вместо ответа положила в чемодан ещё четыре свитера и восемь пар тёплых носков – на случай неожиданного похолодания.

На следующий день мальчик проснулся рано. Солнце только поднялось, и всё в его комнате окрасилось в красноватые цвета. Он оделся и стал, сидя на чемодане, смотреть в окно и грызть ногти.

Вообще-то родители всегда говорили ему, что грызть ногти – самая вредная привычка после ковыряния в носу и зевания во весь рот. Но момент сейчас был такой напряжённый и тревожный, что Корнюшон ничего не мог с собой поделать. Он думал о том, как пройдёт его первое в жизни самостоятельное путешествие, и в животе от разных предчувствий становилось пусто, как перед контрольной по математике. Ведь в школах для маленьких человечков тоже есть и математика, и контрольные.

Из дома вышли поздно и едва не опоздали на поезд. В вагон маленькие человечки попадают по специальному трапу, похожему на длинную школьную линейку, который перекидывают от платформы к тамбуру. Вот по этому мостику они и проходят себе спокойненько

в поезд. Мы, большие люди, не замечаем этого только потому, что слишком заняты своими билетами и багажом.

Папа Корнюшона едва успел втащить чемодан и сына в последний вагон, как поезд тронулся. Мальчик забрался под ближайшее сидение и затаился там. По проходу сновали огромные ноги больших людей, под полом грохотали колёса. Корнюшон задвинул чемодан поглубже под сиденье, сел сверху и стал думать о том, какой окажется его тётя, которую он никогда не видел. Будет ли она ему рада? Не решит ли научить его какой-нибудь ерунде вроде вышивания крестиком или вязания крючком? Ответов на эти вопросы Корнюшон не нашёл. А поскольку больше ему заняться было нечем, он просто устроился на своём чемодане и уснул.

Ему снилось, что колёса под полом поют песню:

*Куда бежим?
Туда, туда,
Где ходят
Только поезда.
Где лес, и горы,
И холмы,
И спящие
В ночи сады.
Мы отвезём
Тебя туда
На время
Или навсегда.*

Колёса пели долго, всю ночь, а потом вдруг замолчали и сказали Корнюшону:

– Всё! Вставай, приехали! Станция Ополье.

– Как! Уже Ополье? Так быстро? – не поверил мальчик, продолжая спать.

– Прекрати задавать глупые вопросы и поторопись, – сказали колёса.

Корнюшон проснулся, схватил свой чемодан и по трапу для маленьких человечков вытолкал его на платформу.



Глава вторая, в которой Корнюшон знакомится с Рылейкой и её домом



После полумрака вагона солнце ослепило его. Мальчик сощурился. Когда глаза немного привыкли к яркому свету, он оглянулся вокруг. Никого похожего на тётю Рылейку видно не было. Платформа быстро опустела, и Корнюшон остался на ней совсем один.

Он потрогал ручку чемодана, вздохнул и вытащил из кармана помятую бумажку, на которой на всякий случай был записан адрес тёти. «Большой клён, хорошо видный с платформы, если встать спиной к рельсам и поднять голову», – прочёл он. Мальчик поднял голову и действительно увидел недалеко от станции большой клён, зелёным великаном возвышающийся над крышами невысоких окрестных домов. «Может, тётя просто опоздала?» – подумал он и решил немного подождать.

Прошло полчаса, но на платформе никто не появился. «Не очень-то меня здесь ждут», – загрустил мальчик. Но делать было нечего, Корнюшон собрался с силами и зашагал к клёну. Ручка чемодана натирала ему ладони, солнце пекло голову, капли пота катились по лицу. Он поминутно останавливался, доставал из кармана платок, вытирал лоб. Оказалось, что клён не так уж близко к платформе, как ему представлялось вначале, просто он был слишком огромный и поэтому казался ближе, чем есть.

Вокруг толстого ствола дерева обвивалась, уходя вверх, винтовая лестница. С трудом переставляя свою ношу со ступеньки на ступеньку, Корнюшон стал подниматься. Караб-

катся наверх было и тяжело, и страшно одновременно. У лестницы имелись перильца, за которые он цеплялся, но были они до того шаткие и неустойчивые, что мальчик старался сильно на них не налегать. Иногда он поглядывал вниз и, видя, на какую высоту забрался, сразу подавался назад и в испуге прижимался к тёплой шершавой коре клёна.

Дом тёти Рылейки располагался на самом верху. Корнюшон остановился на крылечке, поставил чемодан и прислушался. За дверью что-то падало, грохотало, слышался топот ног.

– Быстро на место! – кричал высокий женский голос. – Не-мед-лен-но!

– Ну нет! – отвечал на это кто-то гундосый. – Надоело мне на одном месте сидеть! На волю хочу, в пампасы!

– В какие пампасы? Весь дом из-за тебя залило! Быстро на место!

– Нет и нет! – не сдавался гундосый.

– В металлолом сдам! Так и знай!

Корнюшон постоял немного, грохот не стихал. Тогда он набрался храбрости и постучал. Но сделал это так тихо и неуверенно, что едва услышал сам себя. Беготня за дверью продолжалась. Тогда он несколько раз стукнул изо всех сил. Получилось так громко, что он даже испугался. В доме стало тихо. Через мгновение дверь распахнулась, и перед Корнюшоном появилась высокая подвижная женщина с острым носиком и ярко-рыжими, как у лисы, волосами. Одежда её была насквозь мокрой, а из-за пояса торчал гаечный ключ. С рукавов рубашки и штанин джинсов капала вода. Из кухни летели сверкающие на солнце брызги и текли весёлые ручейки, заливая понемногу весь пол. Тётя Рылейка внимательно посмотрела на своего гостя.

– Так-так-так! – сказала она.

Корнюшон сглотнул комочек в горле и произнёс:

– Вот...

– Ага! – сказала та, словно ей вдруг всё стало понятно.

– Я приехал.

– Ты похож на мою сестру, из чего я делаю вывод, что ты мой племянник Корнюшон. Верно?

– Верно.

– Пусти меня! – раздался вдруг откуда-то снизу гнусавый голос. – Я тоже хочу посмотреть на твоего племянника.

И из-за ног тёти, протискиваясь, вылез кран. Обычный водопроводный никелированный кран. Корнюшон так и застыл с открытым ртом. Он никогда раньше не видел, чтобы предметы разговаривали. Вообще-то он, конечно, догадывался, что все вещи живые и у каждой даже есть свой характер.

Например, он был уверен, что его шариковые ручки специально дожидаются диктантов, чтобы перестать писать. Просто так, из вредности. Или вот стул, на котором он делал дома уроки. Когда Корнюшон садился за домашние задания, стул скрипел тихо и печально, словно сочувствовал ему. А вот когда уроки были сделаны, он уже не скрипел, а взвизгивал от радости, как игривый щенок. Но об этих своих догадках Корнюшон никогда не говорил, поскольку думал, что это будет никому не интересно: ни маме, ни папе, ни одноклассникам в школе. И сейчас вдруг оказалось, что то, о чём он втайне догадывался, – правда. «Не может быть!» – испуганно и радостно подумал он.



– Мелкий какой-то... – взглянув на мальчика, разочарованно протянул кран.

– А ну брысь! – рывкнула на него тётя так, что у племянника заложило уши. – Ты заходи, не стесняйся, – пригласила она Корнюшона внутрь и отодвинула любопытный кран ногой.

– Я на платформе ждал. Вы не пришли, вот я сам и пришёл.

– Аучше называй меня на «ты», – заметила она. – Так-так-так. А почему это я должна была прийти на платформу?

– Мама телеграмму давала, – робко сказал он.

– Да? Очень интересно. Не получала, – пожала она плечами.

За открытым настежь окном раздалось звонкое чириканье, и в комнату просунулась голова стрижа-почтальона. В клюве у него что-то белело.

– Телеграмма, – прочитала тётя, бодро перешагивая через ручьи и лужи. – «Корнюшон приезжает завтра в девять утра. Аюблю. Целую. Иррра». Так-так-так, – повторила она. – Аучше поздно, чем никогда. Верно?

Корнюшон кивнул и улыбнулся. С тётей было легко и просто.

Рылейка вдруг нагнулась и проворно схватила кран, который, словно кот, тёрся о её ноги и что-то тихонько напевал.

– Э, э! – закричал тот. – Мы так не договаривались.

– Мы с тобой вообще никак не договаривались, – заметила тётя и потащила его на кухню.

Корнюшон осторожно последовал за ней. На кухне из трубы возле раковины бил фонтан. Рылейка вытащила из-за пояса гаечный ключ и, ловко орудуя им, прикрутила сопротивляющийся кран на место. Фонтан исчез. Тётя озабоченно огляделась. Всё вокруг было мокрым. По стенам сбегали потоки, крупные капли свисали с потолка и звонко, как в дождь, шлёпались в большие лужи на полу. Тарелки и чашки, стоящие на столе, были полны до краёв. Рылейка взяла одну из чашек и протянула мальчику.

– Хочешь? Кленовый сок. Самый вкусный в округе.

Корнюшон попробовал.

– Вот это да! – сказал он. – По трубам течёт кленовый сок?

– Да, – пожала она плечами, словно речь шла о чём-то совершенно обычном. – Я же на клёне живу. Только вот некоторые, – она указала пальцем на кран, который обиженно отвернулся в сторону, – не понимают, что клён – живой и что сок ему самому нужен. А это значит, что тратить его нужно аккуратно и не устраивать тут фонтаны и потопа.

Кран повертел гибкой шеей.

– Я не нарочно. Так получилось... – буркнул он.

– Он себя, видишь ли, конём возомнил! – ядовито сообщила Корнюшону Рылейка. – На волю захотел, в пампасы. Буцефал!

– А что такое пампасы и Буцефал? – спросил он у тёти.

Рылейка открыла было рот, чтобы ответить, но кран опередил её.

– О, пампасы! – завыл он, вытягивая шею. – О, свобода и счастье! Всё равно я туда убегу! К моим братьям коням. Они, наверное, уже ждут меня, а я тут, с тобой, злая тётка Рылейка...

– Но-но! Полегче! – оборвала его тётя. – В общем, пампасы – это степи в Америке. Очень большие. А Буцефал – конь Александра Македонского, был такой древний завоеватель.

Кран обиженно умолк.

– Всё равно убегу, – буркнул он, упрямо качая шеей.

Все замолчали, разглядывая следы наводнения.

– А можно мне ещё сока? – спросил мальчик, немного смущаясь.

– Конечно, – кивнула Рылейка и подала ему новый стакан.

Корнюшон думал, что уборка дома займёт несколько часов.

Ведь сначала нужно было собрать с пола весь кленовый сок, которого на кухне было чуть не по щиколотку, затем вытереть насухо стены, пол, потолок, выжать и высушить всё, что намокло. «Похоже, на это весь день уйдёт», – решил он про себя.

Рылейка меж тем пошарила в ящике стола и вытащила оттуда большой штопор. Корнюшон ещё не успел удивиться, зачем он ей, как она наклонилась и стала вкручивать его прямо в пол. Потом разогнулась и вытащила из пола что-то вроде пробки. Сделала несколько шагов, вытащила ещё одну. Вскоре по всему дому в полу образовались аккуратные круглые дырочки, в которые с журчанием стал убегать кленовый сок.

– Не в первый раз уже эта история повторяется, – пояснила она изумлённому племяннику. – Вот я и придумала такой фокус. Здорово?

Корнюшон согласился. Рылейка открыла настежь все окна, и вскоре по дому гуляли тёплые летние ветры. Сквозняки трепали шторы, шелестели страницами книг, раскачивали блестящие зелёные листья фикуса, стоявшего на подоконнике.

– О! Совсем забыла: фикус помыть надо, – сказала Рылейка и стала приводить в порядок растение.

Корнюшон присел на краешек стула и смог наконец-то спокойно осмотреться. Мебели у тёти было немного: стол, несколько стульев, пара шкафов да широкие лавки вдоль стен. Но зато чего только на этих столах, шкафах и лавках не было! И диковинные морские раковины, и веера из перьев, и страшные маски первобытных племён, и рога каких-то животных, огромные, как деревья. Повсюду были раскиданы подозрные трубы, глобусы, странные музыкальные инструменты, каких Корнюшон никогда прежде не видел, – ярко раскрашенные барабаны, причудливо изогнутые трубы, тарелки, расписанные драконами и цветами, гитары со множеством струн, а также россыпь маленьких флейт, свисточков и дудочек. На стенах висели шпаги, сабли, боевые топоры, щиты, копья, луки и арбалёты.

Но больше всего тут было книг. Они громоздились повсюду, словно горы. Некоторые были открыты, у многих между страниц виднелись закладки. Одни были большие, в тёмных кожаных переплётках, другие же, наоборот, крошечные, будто написанные для лилипутов.

Был тут и большой, искусно сделанный парусник, запрятанный в стеклянную бутылку. Корнюшон подошёл, чтобы получше рассмотреть, но тётя тут же остановила его:

– Вот этого-то как раз делать не надо! А то сам не заметишь, как внутри очутишься.

Мальчик вспомнил, что говорила мама о странностях Рылейки, и отправился осматривать другие достопримечательности этого удивительного дома. Судя по всему, большой любовью к порядку тётя не отличалась. Все вещи были навалены и накинаны кое-как, безо всякой системы.

Например, из одной вазы торчали такие вещи: ветка чертополоха, несколько страусиных перьев, свёрнутая в трубку карта, длинная свеча, небольшое копьецо, рожок для обуви, напильник, бумеранг и курительная трубка. Вместо закладок в книгах часто попадались носовые платки, конверты, мужские галстуки, широкие кожаные ремни с тиснёным узором, кривые пиратские ножи и ещё бог знает что.

С потолка свешивалась высушенная рыба-шар размером с футбольный мяч. Вся покрытая колючками, словно репейник, она от сквозняков крутилась на нитке, и Корнюшону показалось, что на её морде застыло очень недовольное выражение. Неожиданно рыба пошевелила хвостом, пытаясь остановиться. Мальчик от неожиданности открыл рот. Рыба скосила на него глаза.

– В чём дело, молодой человек? – раздался сухой неприятный голос.

– Н-н-ни в чём... – заикаясь, ответил тот.

– Да будет вам известно, что в приличном обществе не принято так пристально смотреть на незнакомцев, – выговорило ему странное создание и насмешливо добавило: – Если вы, конечно, причисляете себя к приличному обществу.

– Простите, – извинился растерянный Корнюшон.

– Хорошо, извинения принимаются. А теперь вот что, молодой человек. Давайте-ка быстро закройте все окна и прекратите эти безобразные сквозняки.



Корнюшон поднялся было, чтобы выполнить приказание, но тут Рылейка отвлеклась от фикуса и произнесла:

– Сиди-сиди. Нечего его слушать.

– Я бы попросил быть повежливей! – повысил голос шар.

– Вот когда-нибудь ты мне надоешь, Арчибальд, и я отпущу тебя обратно в море, – продолжая мыть фикус, сказала тётя.

– Как так? – запнулся тот.

– А очень просто! Отпущу, и всё!

Арчибальд помолчал и с неохотой выдавил:

– Что ж, простите, я, вероятно, был несколько резок. Но тут кругом сквозняки...

– Нет, всё-таки придётся тебя отпустить, – хитро усмехнулась Рылейка и посмотрела на потолок.

– Прошу вас, не надо. Там так сыро, – его даже передёрнуло, будто он представил себе морскую сырость. – И, кроме того, повсюду эти ужасные рыбы. Совершенно невозможно найти приличное общество.

«Далось ему это приличное общество, – подумал Корнюшон. – И вообще, что это такое? Интересно, можно ли нас с мамой и папой считать этим самым обществом? А тётю Рылейку?» Но задать свои вопросы вслух он так и не решился.

Рылейка, заметив, с каким любопытством он осматривает её богатства, сказала:

– Так-так-так. Нравится? Не стесняйся, подходи, смотри. Почитай что-нибудь, если захочешь. – Потом она закончила возиться с цветком и заметила: – Что и говорить, не каждому повезёт иметь отцом капитана корабля.

– А ваш был капитаном?

– Он обошёл на своём фрегате «Рапира» все моря и океаны вдоль и поперёк. Был во всех больших и малых портах. Знал тридцать языков и всегда говорил правду.

– А где он сейчас?

– Как и все настоящие моряки, отправился плавать по Млечному Пути.

– А разве по нему можно плавать?

– Конечно! Когда какой-нибудь капитан на своём бриге или фрегате исплавает все уголки на земле, он может найти тайную протоку, которая выведет его на Млечный Путь. И тогда он отправляется в новое путешествие. Об этом знает любая морская чайка. Правда, – она наклонилась к племяннику и тихо добавила, – они не всем про это рассказывают.

После ужина Рылейка привела Корнюшона в маленькую уютную комнату с большим окном. Возле окна стоял старый, но ещё крепкий диванчик. На углах его, там где ткань обивки вытирается быстрее всего, виднелись аккуратные заплатки. Когда мальчик присел на него, пружины заскрипели, словно замурлыкал большой ласковый кот.

– Здесь ты будешь спать, – сказала Рылейка. – Спокойной ночи.

Дверь за ней закрылась. Корнюшон разделся, выключил свет и нырнул под одеяло. Когда он уже почти засыпал, послышалось лёгкое покашливание и чей-то голос тихо спросил:

– Ты ещё не уснул, малыш?

Мальчик открыл глаза и испуганно посмотрел по сторонам.

– Не пугайся, пожалуйста. Это всего лишь я, старый диван, на котором ты лежишь. Но если тебе не хочется разговаривать, то спи, спи.

Корнюшон стал уже понемногу привыкать к тому, что любая вещь в тётином доме может заговорить, зашевелиться, а то и вовсе пуститься вскачь, возомнив себя конём.

– Нет, – сказал он, – я ещё не сплю.

Диван поскрипел, словно прокашлялся.

– Могу я узнать, как тебя зовут?

– Да, конечно. Меня зовут Корнюшон.

– А Иррра – твоя мама? Так?

– Так.

– А отец – Птолемей?

– Ага, – согласился Корнюшон и, вспомнив, что говорить «ага» не очень то вежливо, исправился: – То есть да.

– Ты не стесняйся, – сказал диван, поскрипывая пружинами и колыхаясь под мальчиком, словно надувной матрас на волнах. – «Ага» тоже слово, не хуже других. Когда Рылейка была маленькая, – пустился он в воспоминания, – она постоянно говорила «ага». В школе её ругали за это, а вот капитан Гхор никогда не поправлял её, а только громко и раскатисто смеялся. Как сейчас помню, бывало, скачет она вокруг своего отца на одной ноге и кричит: «Ага-ага-ага!», а тот, подняв голову к потолку, хохочет, так что чашки на полках звенят. Он

ведь огромный был, как гора. А Рылейка – маленькая совсем, и когда Гхор её себе на плечо сажал, там место ещё для пяти таких Рылеек оставалось. Он души в ней не чаял. По вечерам перед сном истории ей рассказывал. О кораблях, о путешествиях, о приключениях, что с ним в морях случались. Я ещё помню кое-что и, если хочешь, могу рассказать.

– Я хочу, – поспешно заверил его Корнюшон.

– Хорошо, – сказал диван.

И начал рассказывать о кораблях, которые блуждают по океанам, брошенные командой неизвестно когда и неизвестно почему; о землях, где живут существа, у которых есть только тень и нет тела; о морских звёздах, которые, будучи выброшенными на берег, стонут так, что у тех, кто их слышит, разрываются сердца; о сияющих рыбах, разгоняющих мрак и превращающих океан в светящиеся поля; о весенних дождях, смывающих с человека кожу, так что несколько минут он видит и чувствует всё вокруг как часть своего тела, а потом обрывает новой кожей; о лесах, пробыв в которых больше положенного срока, начинаешь превращаться в дерево; о камнях, заснув на которых, будешь спать три года и узнаешь все тайны мира; о деревьях, чьи опадающие листья вспыхивают в ночи и озаряют окрестности; о лепестках вишнёвых цветов, которые запутываются в волосах и отнимают память, оставляя только радость; о рыбе с человеческим лицом и седой бородой, от взгляда которой сходят с ума; о зыбучих песках, что превращают грубые камни в алмазы, но увидеть их могут только те, кто утонул в зыбучих песках; о заунывных и прекрасных песнях морских дев...

Корнюшон слушал эти невероятные истории и думал: «Это всё неправда. Конечно, неправда... Не бывает так. Но это так интересно, что пусть он рассказывает ещё и ещё».

А потом он уснул, и всю ночь ему снились волшебные сны.



Глава третья, в которой происходит битва с жуками-дровосеками



Рылейка разбудила его на рассвете. Она потрясла его за плечо, но Корнюшон, как это часто бывает с детьми, не проснулся. Тогда тётя решительно посадила его на постели и встревоженным голосом сказала:

– Хватит спать. Нам предстоят серьёзные дела.

Корнюшон открыл глаза, зевнул. С трудом сполз с дивана и, путаясь в рукавах и штанинах, стал одеваться. «Какие серьёзные дела могут быть в такую рань?» – недоумевал он про себя. На кухне тётя поставила перед ним тарелку с геркулесовой кашей и, пока он ел, стала рассказывать о причине переполоха.

Оказалось, что каждое утро Рылейка забирается на самую макушку клёна, смотрит оттуда на небо, нюхает ветер и слушает пение птиц, чтобы понять, какая будет погода. Так поступила она и сегодня.

Выяснив, что погода будет хорошая, с приятным восточным ветром, она стала спускаться обратно. И когда до её домика оставалось уже совсем немного, она наткнулась на отряд жуков-дровосеков. Они деловито бегали и шевелили длиннющими усами, будто вынюхивали что-то.

– Это разведчики, – уверенно заявила Рылейка племяннику. – Я не первый год тут живу, знаю. Если мы их сегодня-завтра не прогоним, через неделю они сюда целое войско

приведут. Сейчас их немного – всего два десятка, а потом набегут целые тысячи. Начнут клён грызть, могут и совсем его погубить. Но если мы сейчас этим разведчикам поддадим как следует, они потом к нам идти побоятся. Понимаешь?

Корнюшон кивнул.

– Но как же мы с ними справимся? – спросил он.

– Очень просто. Шпагами. Ты умеешь драться на шпагах?

– Нет, – признался мальчик.

Если быть совсем честным, то Корнюшон вообще не умел драться. И это часто осложняло ему жизнь, ведь давно известно, что все хулиганы и задиры – люди трусливые, а потому нападают только на тех, кто не может дать им сдачи.

– Ха! – воскликнула Рылейка. – Плохо! Чему вас только в школах учат? Ладно, ты не бойся, я тебя научу. Тем более что тебе достаточно просто уметь размахивать шпагой и ничего не отрубить себе при этом. Но сегодняшний день, похоже, потерян.

Рылейка сняла со стены две шпаги. Одну побольше – для себя, другую поменьше и полегче – для Корнюшона. У той шпаги, что она взяла себе, рукоятка была светлой, будто отполированной. Видно, тётя часто брала её в руки.

Свою шпагу Рылейка отложила в сторону и принялась внимательно осматривать оружие, приготовленное для племянника. Она взвесила её в руке, потом несколько раз со свистом рассекала воздух перед собой. На стальном клинке зажглись искорки от восходящего солнца. Вид у тётя был боевой.

– Прекрасно, – удовлетворённо пробормотала она, оглядывая оружие. – Это шпага боцмана, что был верным спутником моего отца во всех его странствиях. Отец рассказывал, что этой шпагой боцман прорубал путь в джунглях Амазонки, отбивался от нападения гиёновой саранчи в предгорьях Атласских гор в Африке, укротил мятеж на «Сколопендре» и совершил немало других подвигов. Это славное оружие. Подружись с ним.

Корнюшон осторожно взял шпагу в руки и почувствовал, как она немного изогнулась, словно кланяясь ему и приветствуя. От неожиданности он едва не выронил оружие. Шпага недовольно выпрямилась и едва слышно зазвенела.

– Клинок надо держать твёрдой рукой, – сказала тётя. – Больше всего оружие не любит слабости и неуверенности. В этом случае оно может даже поранить хозяина.



Корнюшон крепко ухватился за рукоятку двумя руками и посмотрел на лезвие клинка. В нём отразилось его немного бледное лицо и большие глаза.

– Итак, начнём, – сказала Рылейка и стала показывать мальчику, как надо колоть, рубить и защищаться.

Обучение заняло целый день. Корнюшон осваивал приёмы нападения, защиты, передвижения и к вечеру так намахался шпагой, что у него заболело запястье. Правда, чувствовать себя он стал намного уверенней.

На следующее утро они вышли из дома и направились к тому месту, где тётя обнаружила непрошенных гостей. Корнюшон и Рылейка шли по веткам, осторожно осматриваясь. Мальчик двигался немного позади и всё время с тревогой поглядывал на тётю, не видит ли она, как ему страшно. Но та шла, не оборачиваясь, и лишь иногда делала знак рукой, приглашая за собой. Жуки обнаружили неподалёку от их домика. Всё было так, как и описывала тётя. Дровосеки нагло и деловито бегали по веткам, шевелили усами, словно пытались понять, достаточно ли хорош этот клён, чтобы прокормить их армию.

– Банзай! – весело крикнула Рылейка по-японски и устремилась на врагов.

Корнюшон тоже хотел крикнуть что-нибудь грозное, но от волнения только пискнул и побежал вслед за тётей. Жуки, завидев нападающих, развернулись к ним, устрашающе защёлкали жвалами и зашевелили огромными усами, будто бы говоря: «Ну-ка, ну-ка, подходите поближе! Мы вам покажем! Перегрызём пополам, как трухлявые ветки! В порошок сотрём!» Но Рылейку не так-то просто было напугать. Она подскочила к самому крупному дровосеку и лихо отрубила ему ус. Жук бросился наутёк, а Рылейка накинулась на оставшихся.

На Корнюшона двинулся большой, ростом с мальчика, бурый усач. Он раскрыл свои острые жвалы и стал неторопливо приближаться. Сухие чешуйки коры осыпались под его твёрдыми лапами, покрытыми уродливыми шипами и наростами. Корнюшон в замешательстве остановился. Ему вдруг ужасно захотелось повернуться к захватчику спиной и задать стрекача. Куда-нибудь подальше – на соседнюю ветку, в Рылейкин дом, а ещё лучше – к папе и маме. «И зачем я только сюда приехал? Жил бы себе тихо в почтовом ящике», – подумал он.

Но тут шпага в его руке дрогнула и тонко зазвенела, словно просясь в бой. Мальчик глубоко вздохнул и бросился на жука. Подскочив, он с разбегу рубанул его по голове. Клинок оставил на твёрдом панцире глубокую царапину. Корнюшон ударил ещё несколько раз, и тут дровосек повернулся и в испуге кинулся прочь.

– Ура! – закричал мальчик, размахивая шпагой в воздухе. Ему вдруг стало легко-легко, словно с его плеч свалилось что-то очень тяжёлое. «Это, наверное, страх свалился, – подумал он. – А ведь страх-то, получается, очень тяжёлая штука!» И побежал к следующему усачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.